

Сыденова Римма Прокопьевна

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БУРЯТ В XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются исторические особенности поземельных отношений в бурятской улусной общине XIX - начала XX в. На основе архивных и других источников автор показывает улусную общину в переходный период ее развития, когда тесно переплетались родовое владельческое право и родовое землепользование и территориально-общинное владельческое право и землепользование. Улусная община представлена как сложный социальный институт, в котором отражались общероссийские социально-экономические процессы и локальные явления в их историческом единстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 200-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94:39

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются исторические особенности поземельных отношений в бурятской улусной общине XIX – начала XX в. На основе архивных и других источников автор показывает улусную общину в переходный период ее развития, когда тесно переплетались родовое владельческое право и родовое землепользование и территориально-общинное владельческое право и землепользование. Улусная община представлена как сложный социальный институт, в котором отражались общероссийские социально-экономические процессы и локальные явления в их историческом единстве.

Ключевые слова и фразы: буряты; род; община; улус; землепользование; землевладение.

Сыденова Римма Прокопьевна, к.и.н., доцент
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
rsydenova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В рассматриваемое время бурятская улусная община находилась в условиях смены родственных связей территориальными связями. Для переходного периода было характерно переплетение традиционных устоев и новых требований. Натиск капиталистических отношений во второй половине XIX в. вызвал трансформационные процессы в бурятском обществе, которые наиболее четко выразились в хозяйственной деятельности. В рамках пореформенного развития Российского государства, когда улусная община была, прежде всего, хозяйствующим субъектом, практика родового землепользования уступала место локально-территориальному.

Модернизационные процессы были менее заметны в идеологической сфере, где духовные традиции и бытовые обычаи были основаны на устойчивой связи общества с его породной территорией и выражались в культивировании представлений о владельческих правах рода на занимаемые земли.

В многочисленных поземельных спорах, отложившихся в виде прошений в фондах степных дум, буряты выделяли свое право на занимаемые ими земли. Эти архивные материалы показывают, что собственность на общинную территорию на практике зачастую оформлялась как родовая, тогда как реальным собственником земли и, следовательно, распорядителем по земельным вопросам выступал сельский коллектив (улусная община).

В конце XIX в. в Сибири, в отличие от европейской части России, поземельное устройство еще не было проведено, а действовали условия X ревизии 1859 г. Крестьяне жили на казенных землях и пользовались земельными участками в том объеме, какой могли обработать собственными силами. Просторы сибирских территорий позволяли не очерчивать границы землепользования. При относительно свободном захвате земель было распространено заимочное владение. Оно, по определению А. А. Кауфмана, есть «не что иное, как неопределенная, неустановившаяся первоначальная форма владения землею, возникающая тогда, когда масса земли далеко превышает то количество, которое наличное население желает и может обработать». Однако при росте населения, отмечал далее А. А. Кауфман, «община начинает ограничивать свободу захвата, и постепенно, но необходимо совершается переход от заимочного владения к общинному, связанному с переделами угодий» [5, с. 36].

С учетом специфики традиционной скотоводческо-земледельческой экономики бурят вполне реально допустить, что утеснение их во владении землями рассматривалось общинными коллективами как сдвиг утвердившихся в народном сознании норм землепользования. В ситуации вызова времени этническая общность проявляет защитную реакцию, которая в земельном вопросе актуализирует следование устоявшимся нормам родового землепользования. Примечания С. В. Лурье о том, что «для каждого этноса характерна своя уникальная модель реакций на ситуации, которые угрожают ему гибелью», хорошо объясняют устойчивость родового владельческого права в бурятской улусной общине [6, с. 29].

Община являлась сложным социальным организмом, одной из важных функций которого выступало, как уже не раз отмечалось, регулирование земельных отношений. Архивные данные, собранные нами из материалов Закаменской инородной управы, весьма информативны. Так, в очерке о Джидинском сводном районе приводится перечень общин ведомства Закаменской инородной управы с обозначением отведенных им дач и родовой принадлежности этих общин. В этом списке Санагинская община, официальными владельцами которой являлись буряты 1-го хонгодорского, шешеловского, ключевского и 2-го куркутского родов, Шаразаргинская (официальные владельцы – буряты 2-го и 5-го хонгодорского родов), селение Ильинское (крещеные буряты разных родов), Модонкульская (буряты 1-го куркутского и 1-го, 2-го тыртеевского родов), Улентуйская (буряты 1-го куркутского, 2-го тыртеевского родов), Цакирская (буряты 1-го куркутского рода), Хамнейская (1-й, 2-й сойотский, булбаевский и 1-й тыртеевский роды); Бургуйская (1-й и 2-й сойотский роды), Хуртагинская (1-й и 2-й сойотский роды), Бургалтайская (1-й, 2-й сойотский и 2-й хонгодорский роды), Улюкчинская (2-й сойотский и булбаевский роды) [8, д. 7, л. 1].

Приведенный список общин показывает этнический (родовой) состав закаменских бурят, а также реального собственника улусных земель. В конце XIX в. большинство улусных общин имели многородовой состав. Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина содержат следующие сведения: закаменские буряты «имели из 17 улусов только два с однородным составом», тогда как баргузинские, «в числе двенадцати родов, жили в улусах по родам, не смешиваясь» [2, с. 99].

Фактическое землепользование не всегда совпадало с юридическим. Несколько семей из Модонкульской, Хамнейской, Бургалтайской, Улюкчинской общин жили вне своих дач [8, д. 7, л. 1]. Выгоны во всех общинах лежали в пределах дач, но фактически они находились в общем пользовании всех смежно живущих групп населения, что создавало ситуацию, когда выгон находился в совместном пользовании нескольких общин. В такой практике нередки были земельные споры. Для их упрощения санагинские буряты, например, даже заключили миролюбивую сделку (в присутствии землемера Дементьева, как указано в источнике) с ключевскими казаками, которой обязались не стеснять друг друга пастбищами [Там же].

Пашни лежали также в пределах общинных дач. Лишь в Улентуйской общине несколько бурят пользовались пашнями в Модонкульской даче № 12 на основании «миролюбной» сделки, заключенной 28 августа 1880 г. в присутствии землемера Сороковикова. По договору эти земли оставались впредь, как сказано в источнике, за их исконными владельцами, т.е. Модонкульской общиной [Там же]. Подобное решение указывает на традиции родового землепользования, которые и в конце XIX в. рассматривались общинниками как незыблемые и подтверждались властью в лице администрации, проводившей землеустроительные работы.

Здесь примечателен документ, на который мы обратили внимание в ходе работы в архивных фондах, о слушании прошения поверенных от обществ Хоринской и Агинской степных дум Жана Бодийна и Дамдина Самгадаева. Поверенные ходатайствовали о выдаче им грамоты на пожалованные еще в XVIII в. одиннадцати хоринским родам земли, необходимость в которой, вероятно, наступила в связи с земельным спором. Прошение завершилось принятием постановления о выдаче копии (с определением Сената от 07.12.1887) грамоты на земли установленным порядком [1, д. 34, л. 1]. Во владении пашнями была видна чересполосица: буряты Шаразаргинской общины чересполосно владели землей с крещеными бурятами селения Ильинское и казаками Шаразаргинского поселка, буряты Модонкульской – с казаками Модонкульского поселка и буряты Улентуйской общины – с бурятами Модонкульской общины [8, д. 7, л. 1, 2]. При этом пашни ни в одной из них не переделывались, возможно, ввиду тех затрат, которые ушли на расчистку земель под пашни – регулировала эти вопросы улусная община, которая учитывала затраченный труд.

Покосные угодья переделывались во всех общинах, причем в Модонкульской и Улюкчинской часть покосов находилась в захватно-наследственном пользовании, которое устанавливалось, вероятно, по праву труда. Архивные материалы изобилуют свидетельствами о расчистке покосных угодий и их хозяйственном содержании, объеме укоса и пр. Так, в записке о положении землеустроительных работ говорится, что «благодаря упорному и постоянному труду над улучшением покосных участков буряты смело могут сказать, что у них не только хватает сена для скота, но и излишком даже снабжали рынок города Иркутск. Здесь поставщиками для нужд города, городского населения и военного ведомства являлись исключительно буряты» [7, д. 86, л. 4].

Покосы лежали почти исключительно в пределах дач, лишь ничтожная часть покосов – на пустопорожних землях, часть которых к тому же была спорной. Эта ситуация наблюдалась в Модонкульской, Хамнейской, Хуртагинской, Бургалтайской, Улюкчинской общинах. Чересполосно с чужими землями лежали покосы общин: Санагинской – с казенными и казачьими землями, Шаразаргинской – с землями шаразаргинских казаков и крещеных селения Ильинское, Модонкульской – с дачей модонкульских казаков, Цакирской – с дачей Цакирского поселка, Улюкчинской – с пустопорожними и казачьими землями [8, д. 7, л. 2].

Анализ архивных материалов показывает существование родового владельческого права на землю и улусно-общинного владения землей. В поземельных спорах заявления о родовом владельческом праве на земли, как показывают материалы о межобщинных взаимодействиях, принимались сторонами и могли служить аргументом в пользу права занимать эти земли. Носители родового сознания, продолжая следовать родовым культам и обычаям, в том числе учитывая «наследные» права на занимаемые «породные» земли, рассматривали себя как владельцев этих территорий. Ввиду распыленности рода в рассматриваемый период улусная община состояла из своеобразных «осколков» этнических (родовых) общностей, которые в совокупности являлись реальным владельцем улусных земель.

В улусной общине владельцем выгонов, пастбищ, леса и других угодий выступало все село. Распорядительные действия общины в вопросах землепользования указывают на то, что улусное общество являлось субъектом собственности и владения землей. Указанные правомочия отражались в документе, именуемом общественным приговором, которым община давала добро на прием новых лиц в общину либо воспрещала такой прием. Приведем некоторые из приговоров. Хангинский род, как указано в источнике, «по недостатку пахотной земли и сенокосов на принятие в свой состав инородца 2-го онхотоевского рода Николая Баинова с семейством изъявить желание не может» [4, д. 814, л. 37], или буряты сартолова рода «совершенно согласны на принятие Цынбылова с родственниками в наш сартолов род, обязуемся наделить сенокосными и хлебопахотными землями, отвечаем за них в случае несостоятельности их в платеже и повинностях» [3, д. 2107, л. 32].

Во всех приведенных случаях мы видим, что вопросы, связанные с земельными отношениями, будь то выделение земель под пашню вновь прибывшим в улус или уступка части покосных угодий, решались с согласия всего общества. Таким образом, община осуществляла все правомочия собственника земли.

В рассматриваемый период происходили существенные изменения в поземельном устройстве – переход от родового владельческого права и родового землепользования к улусно-общинному владельческому праву и землепользованию. На деле этот процесс имел давнее начало, но в силу выраженного формата родовых связей в бурятском обществе смена родственных связей территориальными связями заняла длительный период. Динамика поземельных отношений в бурятской улусной общине позволяет сделать вывод о том, что к началу XX в. община имела статус собственника занимаемых земель.

Список источников

1. **Архив Института востоковедения РАН** (АИВ РАН (Санкт-Петербург)). Р. II. Оп. 1.
2. **Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области**: материалы / сост. А. Щербачев. СПб., 1898. Вып. 5. Исторические сведения. 325 с.
3. **Государственный архив Республики Бурятия** (ГАРБ). Ф. 2. Селенгинская степная дума. Оп. 1.
4. **ГАРБ**. Ф. 3. Балаганская степная дума. Оп. 1.
5. **Кауфман А. А.** Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. СПб.: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1894. 39 с.
6. **Лурье С. В.** Историческая этнология: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
7. **Петербургский филиал Архива Российской академии наук** (ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 2.
8. **ПФА РАН**. Ф. 282. Оп. 3.

SPECIFICITY OF THE BURYATS' LAND-USE IN THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Sydenova Rimma Prokop'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Buryat State University in Ulan-Ude
rsydenova@mail.ru

The article examines historical peculiarities of land relations in the Buryat ulus community of the XIX – the beginning of the XX century. Relying on archival materials and other sources the author describes the ulus community in the transitional period of its development, when the patrimonial possessory right and patrimonial land-use closely interweaved with the communal-territorial possessory right and land-use. The ulus community is considered as a complicated social institute representing all-Russian socio-economic processes and regional phenomena in their historical integrity.

Key words and phrases: the Buryats; clan; community; ulus; land-use; landownership.

УДК 101

Философские науки

В статье рассматривается структура современной общероссийской идентичности, включающая три основных элемента: государственническую, гражданскую и цивилизационную идентичности. Особое внимание уделено проблеме формирования цивилизационной идентичности как высшей формы социокультурной интеграции российского общества. Делается вывод о том, что процесс формирования общероссийской идентичности фактически находится на начальном этапе – только государственническую идентичность можно считать полностью сформированной. Процесс формирования гражданской идентичности далеко еще не завершён, а цивилизационная идентичность пока является лишь проектом будущего.

Ключевые слова и фразы: идентичность; кризис идентичности; структура общероссийской идентичности; государственническая идентичность; гражданская идентичность; цивилизационная идентичность.

Хачатрян Лилит Вачагановна

Северо-Кавказский государственный университет, г. Ставрополь
lilit.os@mail.ru

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В последние годы, учитывая условия современной геополитической ситуации, российское общество особенно нуждается в формировании и развитии идей, которые способствовали бы его консолидации. В то же время следует подчеркнуть, что в Российской Федерации, государстве, состоящем из множества этнических и конфессиональных групп, каждая из которых обладает своей культурной спецификой, формирование общей интегрирующей идентичности имеет свои сложности.

Термин «идентичность» был введен в научный обиход Э. Эриксоном. Он рассматривает идентичность как процесс, сосредоточенный в сущности культуры и принадлежащего к ней человека, как форму соответствия человека и культуры [12, с. 103]. Идентичность – понятие комплексное, нечеткое и неопределенное. Толкование данного понятия касательно разных групп и государств значительно различается у разных ученых, занимающихся проблемами идентичности. Причиной расхождений в трактовке понятия идентичности является то, что исследователи, изучающие один и тот же предмет с позиций разных научных дисциплин, вкладывают разные смыслы в одни и те же понятия.

Как отмечают некоторые отечественные ученые, проблема идентичности актуализируется в условиях кризиса и тесно связана с политической ситуацией в стране и мире. Распад Советского Союза резко обострил проблему идентичности России. Изменились не только территориальные границы вновь возникшего государства, но распалась система норм, правил и ценностей, на которых основывался социум в рамках